

УДК 165.82
ББК 87.22

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: К.Р. ПОППЕР И И.П. МЕРКУЛОВ – ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ В ПОЗНАНИИ

Жилин Владимир Ильич

Доктор философских наук,
директор филиала Омского государственного педагогического университета в г. Таре
ZhilinVI@yandex.ru
ул. Школьная, 69, 646535 г. Тара, Российская Федерация

Аннотация. В статье сравниваются ценностные установки на познание эволюционной эпистемологии гипотетического реализма и эволюционной эпистемологии критического реализма. В результате автор приходит к выводу о том, что эволюционная эпистемология гипотетического реализма отражает пессимистический настрой на возможность познания, а эволюционная эпистемология критического реализма – оптимистический.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, гипотетический реализм, критический реализм, скептицизм, рационализм.

Интерес философов к эволюционной эпистемологии имеет разные причины и, соответственно, различные ее аспекты попадают под рефлексирующую процедуру (см. в этой связи работы Р.А. Аронова, О.Е. Баксанского [1], Л.Б. Баженова [2], И.П. Меркулова [3], С.В. Пирожковой [4], Г.И. Рузавина [5] и др.). Следует отметить, что попытки использовать эволюционные модели для объяснения социальных процессов, были предприняты практически сразу после опубликования Ч. Дарвином «Происхождения видов...». Одним из первых на этот путь встал Г. Спенсер. Но, и это признают эпистемологи-эволюционисты, для многих из них решающее значение сыграли работы К. Лоренца.

К.Р. Поппер в своем очерке эволюционной эпистемологии отмечает: «Насколько мне известно, термин “эволюционная эпистемология” был предложен моим другом Дональдом Кэмпбеллом. Идея эта постдарвиновская и восходит к концу девятнадцатого столетия – к таким мыслителям, как Дж.М. Болдуин, К. Ллойд Морган и Г.С. Дженнингс» [6, с. 72]. Следует также отметить, что и К. Поппером предложен собственный вариант эволюцион-

ной эпистемологии. Однако в нашу задачу не входит сравнительно-историческое описание всех эпистемологических направлений, опирающихся на идеи и модели эволюции. Наша задача значительно уже, а именно: в рамках ее решения предполагается сравнить познавательные установки эволюционной эпистемологии гипотетического реализма, основные идеи которой разработаны И.П. Меркуловым [7], с познавательными установками эволюционной эпистемологии критического реализма, которая представлена в работах К.Р. Поппера [6], сравнить на предмет выявления их гносеологической перспективности.

Актуальность этой задачи, если говорить кратко, обусловлена необходимостью хотя бы минимального ограничения «бескрайних разливов» релятивизма, который за лозунгом свободы творчества и под «вывеской» известных (и самое главное, нацеленных на познание и поиск истины) «брендов» на самом деле приводит посредством пессимистических и скептических оценок познавательных результатов не только к отказу поиска истины, но и от познания вообще.

В рамках эволюционной эпистемологии гипотетического реализма, разработанной И.П. Меркуловым, научное знание предстает как приближительное, гипотетическое, прежде всего в силу универсальности эволюции. С точки зрения И.П. Меркулова, эволюционируют не только объект, но и субъект познания. Формулируя тезисы эволюционно-информационной эпистемологии, И.П. Меркулов делает и некоторые пояснения в трактовке эволюции субъекта познания. С его точки зрения, субъект познания, будучи природным биологическим существом, подлежит биологической (когнитивной) и культурной эволюции. Возвращаясь к идеям психоламаркизма, И.П. Меркулов отвергает «устаревшее» знание о том, что мозг может использовать лишь тот потенциал в виде «управляющих когнитивных программ и метапрограмм», который был заложен в него «биологией в ходе его эмбрионального роста, и не способен к их обновлению, влияющему на когнитивное развитие, а уж тем более к когнитивной эволюции» [7, с. 109]. И, опираясь на тот факт, что электрическая активность в мозге протекает не только на поверхности синапсов, но и уходит в глубь нервных клеток, И.П. Меркулов приходит к выводу о том, что «в новых нервных клетках происходит генерация необратимым образом таких же (или сходных) свойств, которые только временно возникали в старых клетках благодаря действиям генов развития, выполнявших регулятивную функцию» [там же, с. 112]. Делая перевод на более понятный язык, И.П. Меркулов поясняет: «Иными словами, благодаря воздействию событий окружающей среды, требующих адаптивных изменений в когнитивной системе, возникают эволюционные изменения в морфологии мозга отдельных особей» [там же, с. 112]. Другими словами, спор о наследовании приобретенных признаков решается И.П. Меркуловым вполне в духе ламаркизма и традициях мичуринской науки. И тогда, согласно И.П. Меркулову, в результате воздействия культурной и образовательной среды на человека «эволюционно-когнитивные» различия между отдельными людьми и человеческими популяциями, «могут весьма существенно варьироваться» [там же, с. 415].

Признав различия познавательных способностей между популяциями, сословиями и отдельными индивидами непреодолимыми

средствами обучения и воспитания, и приняв эти различия в качестве эпистемологического обоснования релятивизма, И.П. Меркулов приходит к выводу о том, «что в принципе вообще невозможно существование какого-то исчерпывающего, наиболее полного знания об окружающем мире, то есть абсолютной истины, пусть даже в форме абстрактно постулируемого, хотя и практически недостижимого, предела» [3, с. 121]. Поясняя этот вывод, автор утверждает: «Представление об абсолютной истине (и об относительных истинах как “крупницах” абсолютной), таким образом, было возможно только в рамках сугубо статической, не эволюционирующей картины мира, которая царила в умах людей на протяжении тысячелетий» [там же, с. 121]. В связи с тем, что «классическая концепция истины оказалась, по сути дела, “встроенной” в когнитивную систему человека как биологического вида», И.П. Меркулов готов признать, что «на уровне обыденного познания особых трудностей с классической концепцией истины не возникает» [там же, с. 118]. Однако, привлекая «экспериментальные данные и теоретические представления» современной когнитивной науки и эпистемологии, И.П. Меркулов дает собственные пояснения традиционной (корреспондентской) концепции истины. По мнению автора эволюционной эпистемологии гипотетического реализма, отражение уже следует понимать не как соответствие «внутренних мысленных репрезентаций» внешнему миру, а как соответствие «между внутренними мысленными репрезентациями, создаваемыми человеческой когнитивной системой, с одной стороны, и сигналами, данными, извлекаемыми этой системой из окружающей среды и внутренних (в том числе психических) состояний организма, с другой» [там же, с. 114]. Развивая свою мысль, И.П. Меркулов приходит к еще более кардинальному выводу, утверждая: «Таким образом, реально оказывается, что мы в состоянии соотносить между собой не свои мысли, с одной стороны, и окружающую нас внешнюю действительность или даже извлекаемые из этой действительности сигналы, корреляции между ними и т. д., с другой, а только внутренние мысленные репрезентации (разных или одинаковых форматов), создаваемые нашими

взаимосвязанными системами лево- и правополушарного мышления – знаково-символьные (вербальные) и перцептивно-образные» [3, с. 115]. При этом внешний мир оказывается мало похожим на свое «отражение», хотя, согласно И.П. Меркулову, это вовсе и не отражение. «Экспериментальные данные о переработке информации нашей когнитивной системы, обеспечивающей генерацию восприятий, – уточняет И.П. Меркулов свою позицию, – дают основания полагать, что возникающие мысленные репрезентации объектов и событий внешнего мира, – перцептивные образы, – конечно же не идентичны и даже *не изоморфны* физическим свойствам этого мира» [там же, с. 116]. Выходит, что И.П. Меркулов одновременно и признает существование независимого от сознания мира, констатируя, что «мир существует вне и независимо от сознания как когнитивной способности» [7, с. 70], и осторожничает с такого рода признанием, утверждая, что «допущение гипотетического реализма относительно существования внешнего мира и его структур слабее, чем у прочих видов реализма, поскольку он полагает, что *все* наши утверждения о мире носят гипотетический характер» [там же, с. 71]. Все это очень напоминает «донаучные» рассуждения Дж. Беркли, который в одном месте утверждал: «Все познаваемые нами вещи есть, во-первых, мысли, во-вторых, способности воспринимать мысли, в-третьих, способности вызывать мысли, причем ничто из перечисленного в любом случае не может существовать в инертной, лишенной чувств вещи» [8, с. 42]; в другом месте, признавая реальность, полагал, что «каждое растение, каждая звезда, каждый минерал и вообще каждая часть мировой системы есть столь же реальная вещь, по нашим принципам, как и по всяким иным» [там же, с. 187]; и в третьем случае, разъясняя собственную интерпретацию «реальности», останавливался на том, что «и наши ощущения, как бы яркие и отчетливы они ни были, суть тем не менее *идеи*, то есть они также существуют в духе или воспринимаются им, как и идеи, им самим образуемые» [там же, с. 185].

Следует отметить, что и с точки зрения К.Р. Поппера «все законы или теории следует считать гипотетическими, или предположительными, то есть просто догадками» [6, с. 20]. Но К.Р. Поппер признает необходимость «со-

знательного и систематического критического отношения к нашим теориям» [6, с. 75], полагая, что именно с этого начинается научный метод. Именно начинается, а не сводится к нему. При этом К.Р. Поппер не призывает к отказу от познания ввиду его бесперспективности. С его точки зрения, точки зрения «эволюциониста», цель науки – «возрастание правдоподобности». И пусть научное описание мира лишь приблизительно верно, но К.Р. Поппер полагает, предлагая «ослабленную» форму принципа эмпиризма, что «только “опыт” может помочь нам принять решение об истинности или ложности фактуальных высказываний» [там же, с. 23]. Автор эволюционной эпистемологии критического реализма однозначно признает корреспондентскую концепцию истины. В этой связи он отмечает: «Я принимаю основанную на здравом смысле теорию (защищавшуюся и уточненную Альфредом Тарским), согласно которой истинность есть соответствие фактам (или действительности) или, точнее, теория истинна, если и только если она соответствует фактам» [там же, с. 51].

К.Р. Поппер [там же] хотя и признает, что реализм (реальность внесубъективного мира) нельзя ни доказать, ни опровергнуть, вместе полагает абсурдным именно идеализм. При этом он предлагает «принять реализм как единственную осмысленную (*sensible*) гипотезу – как предположение, которому никогда еще не было предложено осмысленной альтернативы» [там же, с. 49]. Описывая контуры эволюционной эпистемологии, К.Р. Поппер отмечает: «Исходя из научного реализма, достаточно ясно, что если бы наши действия и реакции были плохо приспособлены к нашему окружению, мы бы не выжили. Поскольку “убеждение” тесно связано с ожиданием и с готовностью к действию, мы можем сказать, что многие из наших практических убеждений, скорее всего (*likely*), истинны, раз уж мы до сих пор выжили» [там же, с. 73]. Более того, дистанцируясь от скептицизма, и, отстаивая позиции эволюционной эпистемологии реализма, К.Р. Поппер поясняет: «Современный скептицизм считается теорией, пессимистической по отношению к возможности знания. Взгляд же, предлагаемый здесь, с надеждой отстаивает возможность роста знания, а следовательно возможность знания. Он только отказывается от качества несомненности,

которое здравый смысл принимал как существенное для знания, и показывает, что как несомненность, так и знание отличаются от того, что предполагает на их счет теория познания, основанная на здравом смысле. Вряд ли можно назвать скептиком того, кто верит в возможность неограниченного роста знания» [6, с. 101].

Как известно (см., например, Д.В. Джохадзе [9]), скептики в качестве одного из аргументов против поиска «одной истины», которая соответствует реальности, обращались к различиям между людьми. Об этом, в частности, идет речь во втором тропе. Д.В. Джохадзе, ссылаясь на Секста Эмпирика, цитирует: «Главнейшим же доказательством разностороннего и безграничного различия в мыслительной способности людей служит разногласие в учении догматиков как о прочих вещах, так особенно о том, что выбирать и что отклонять» [там же, с. 68]. При этом, аргументировали свой тезис скептики, среди людей вообще не возникало бы разногласий и враждующих споров, если бы всем одно и то же казалось прекрасным и мудрым.

Следует отметить, что К.Р. Поппер не отрицает существующих между людьми различий, но вслед за И. Кантом считает их источником морального и материального прогресса общества. «Нельзя, разумеется, отрицать, – поясняет К.Р. Поппер свою позицию, – что человеческие индивидуумы, подобно всем другим предметам нашего мира, являются весьма неравными во многих отношениях. Не приходится сомневаться, что такое неравенство имеет большое значение и что оно во многих случаях даже крайне желательно» [10, с. 271]. При этом, однако, К.Р. Поппер настаивает на рациональном единстве человечества. И в этой связи он утверждает: «Тот факт, что рационалистический подход принимает во внимание прежде всего доказательства, а не личность доказывающего, имеет далеко идущие последствия. В соответствии с этим фактом, мы должны признать всякого, с кем общаемся, потенциальным источником доказательств и разумной информации, устанавливая тем самым то, что можно назвать “рациональным единством человечества”» [там же, с. 261].

И.П. Меркулов в этой связи настроен противоположно К.Р. Попперу. Он не только

«всемерно подчеркивает неравенство людей», но и пытается, исходя из этой установки, определить место каждого индивида в обществе. Так, говоря о социальном прогрессе, И.П. Меркулов отмечает, что не следует игнорировать «реальное социокультурное многообразие сосуществующих на нашей планете человеческих популяций и этнических групп, находящихся на различных этапах когнитивной и социокультурной эволюции» [7, с. 116]. Горожане, по мнению И.П. Меркулова, существенно отличаются от жителей деревень. С его точки зрения, совершенно ясно, что «селективные факторы, влияющие на когнитивную эволюцию человеческих популяций, проживающих в больших городах, существенно отличаются от селективных факторов, воздействующих на когнитивную эволюцию жителей сельской местности, хорошо адаптированных к медленно меняющейся на протяжении веков окружающей среде» [там же, с. 118]. К генетическим изменениям индивидов и популяций ведет и необходимость адаптации людей к социокультурным изменениям среды. «В силу этого, – отмечает И.П. Меркулов, – культурная эволюция оказывает сильное селективное давление на биологическую (когнитивную) эволюцию человеческих популяций» [там же, с. 119]. Вызывают «расслоения» человеческих популяций племенные и семейные связи, географические условия, национальность, социальные, экономические и прочие факторы. В результате, по мнению И.П. Меркулова, «эта эволюция влечет за собой изменения уровня сознательного контроля высших когнитивных функций, развитие соответствующих видов памяти и других тесно интегрированных с мышлением когнитивных способностей» [там же]. Социальная дифференциация в современных постиндустриальных обществах все более и более усугубляется, полагает И.П. Меркулов. Отбросив миф об абсолютном равенстве людей, автор эволюционной эпистемологии гипотетического реализма констатирует: «В силу генетических мутаций и огромного многообразия факторов естественного отбора на любом этапе исторического развития существовали и продолжают существовать определенные когнитивные различия между популяциями, этническими группами, социальными слоями и отдельными индивидами» [там же, с. 118]. И далее, уже

опираясь на такого рода философско-мировоззренческие установки, необходимо, согласно И.П. Меркулову, обустроить наше общество. Те индивиды и популяции, которые не достигли в своем эволюционном развитии определенного уровня когнитивных способностей, достаточных для занятия наукой, философией и управлением государством, должны успокоиться и занять свое место в обществе. И.П. Меркулов в этой связи успокаивает, подбадривает и направляет: «Овладение техническими приемами, процедурными знаниями (например, искусством верховой езды или стрельбы из лука, боевыми искусствами, манипулированием орудиями труда и т. д.) и даже интеллектуальными приемами и методами (письменностью, оперированием математическими символами и т. п.) не обязательно требует высоко развитого символического (вербального) сознания и знаково-символического (логико-вербального) мышления. Оно может быть вполне успешным благодаря достаточной эффективности доминирующего неартикулированного пространственно-образного мышления, превращающего мысленные репрезентации инструментов (как реальных, так и идеальных, то есть приемы, методы, процедурные знания и т. п.) в часть оперирующей личности, в структурный элемент “Я-образов”» [7, с. 304]. И пусть сегодня еще есть проблемы с идентификацией отдельных индивидов и отнесения их к тем или иным кластерам общества, но, усовершенствовав измерительные процедуры, можно достичь реальных результатов в социальной дифференциации. В этой связи И.П. Меркулов оптимист. «Таким образом, – утверждает он, – системы тестовых испытаний, служащие базисом для вычисления IQ, требуют адаптации, которая позволяла бы учитывать эволюционно-когнитивный уровень популяций, этнических групп и отдельных социальных слоев» [там же, с. 416]. При этом образование, с точки зрения И.П. Меркулова, не в силах сглаживать различия между популяциями и индивидами. Более того, предлагаемая И.П. Меркуловым модель системы образования ориентирована именно на увеличение эволюционно-генетической дистанции между популяциями людей. «В силу неустраняемых генетических и когнитивных различий между людьми образовательная система должна

быть гибкой и многоуровневой. Она вынуждена приспособливаться к эволюционирующей биологии человеческих популяций и их культуре, а не к мифологическим представлениям прошлых эпох об абсолютном равенстве людей, которое реально может быть только формально-юридическим. Миф должен адаптироваться к реальности, но не реальность – к мифу» [7, с. 416]. И нет нам, жителям сельской местности и малых городов, возможности помечтать... Печально. Конец утопии. Конец надежде. Миф должен адаптироваться к реальности! И зачем только некоторые педагоги-исследователи и организаторы образования в России и в мире (см., например, И.Д. Фруммин и др. [11], Р.Л. Хон [12]) пытаются уменьшить величину «разрыва» между качеством образования в «элитных» и общеобразовательных учебных заведениях, разрабатывая специальные программы улучшения результатов (school improvement) для школ, оказавшихся в «кризисной» ситуации?!

По мнению К.Р. Поппера [10], такого рода «всемерное подчеркивание неравенства людей» является визитной карточкой иррационализма. Описывая эмоциональные переживания иррационалиста в виде страха, ненависти, зависти и тяги к насилию, К.Р. Поппер отмечает: «Такая тенденция, свойственная иррационализму, значительно усиливается принятием еще одного, возможно, более важного положения, которое, на мой взгляд, также связано с иррационализмом, а именно – всемерного подчеркивания неравенства людей» [там же, с. 271].

Следует заметить, что И.П. Меркулов и не скрывает особо своего отношения к иррациональному, полагая, что секрет успешных научных открытий «затаился в некоей синкретичной и трудноопределимой индивидуальной когнитивной способности». Подводя итог своим рассуждениям по поводу соотношения логического и психологического в научном творчестве, он отмечает: «Таким образом, связь между логикой развития науки и индивидуальным творчеством ученого носит куда более “интимный” характер, чем это допускалось “рациональными” моделями роста науки второй половины XX века» [7, с. 365].

Таким образом есть вполне убедительные основания констатировать, что эволюционная

эпистемология критического реализма, разработанная К.Р. Поппером, и эволюционная эпистемология гипотетического реализма, созданная И.П. Меркуловым, существенно различны. Они отличаются друг от друга разными своими аспектами: у К.Р. Поппера «размножаются», «отсеиваются» и «выживают» научные знания (гипотезы, теории и пр.), у И.П. Меркулова эволюционным изменениям подвержены когнитивные системы; у К.Р. Поппера механизм эволюции ближе к дарвиновой модели, у И.П. Меркулова ближе к ламарковской. При этом главным отличием, с позиций поставленной в начале исследования задачи, сравниваемых нами эпистемологических систем, является их отношение к перспективам познания: у К.Р. Поппера мир реально существует и познаваем, у И.П. Меркулова существование мира допускается, но он непознаваем, непознаваем в том смысле, что не существует (даже гипотетически!) относительной и абсолютной истины (в корреспондентской своей идее), хотя каждому сословию, каждой популяции и даже каждому индивиду удается выжить, сконструировав своей когнитивной системой свой собственный мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аронов, Р. А. Происхождение знания: истоки и основы / Р. А. Аронов, О. Е. Баксанский // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 98–108.

2. Баженов, Л. Б. Размышления при чтении Поппера / Л. Б. Баженов // Вопросы философии. – 2002. – № 4. – С. 159–169.

3. Меркулов, И. П. Существует ли истина с точки зрения философии эволюционизма? / И. П. Меркулов // Многомерность истины. – М. : ИФРАН, 2008. – С. 111–122.

4. Пирожкова, С. В. Проблема научного предвидения в философии К. Поппера / С. В. Пирожкова // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 160–176.

5. Рузавин, Г. И. Эволюционная эпистемология и самоорганизация / Г. И. Рузавин // Вопросы философии. – 1999. – № 11. – С. 90–101.

6. Поппер, К. Р. Объективное знание: Эволюционный подход / К. Р. Поппер. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 384 с.

7. Меркулов, И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). В 2 т. Т. 2 / И. П. Меркулов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2006. – 416 с.

8. Беркли, Дж. Сочинения / Дж. Беркли. – М. : Мысль, 1978. – 556 с.

9. Джохадзе, Д. В. Диалектика эллинистического периода / Д. В. Джохадзе. – М. : Высш. шк., 1979. – 127 с.

10. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Р. Поппер. – М. : Феникс, 1992. – 528 с.

11. Фрумин, И. Д. Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ / И. Д. Фрумин, М. А. Пинская, С. Г. Косарецкий // Народное образование. – 2012. – № 1. – С. 17–24.

12. Хон, Р. Л. Педагогическая психология: Принципы обучения / Р. Л. Хон. – М. : Академ. Проект : Культура, 2005. – 736 с.

EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY: K.P. POPPER AND I.P. MERKULOV – OPTIMISM AND PESSIMISM IN COGNITION

Zhilin Vladimir Il'ich

Doctor of Philosophical Sciences,
Director, Branch of Omsk State Pedagogical University, Tara
ZhilinVI@yandex.ru
Shkolnaya St., 69, 646535 Tara, Russian Federation

Abstract. The article compares the values of the knowledge of evolutionary epistemology of hypothetical realism and evolutionary epistemology of critical realism. The author concludes that the hypothetical evolutionary epistemology realism reflects a pessimistic mood on the possibility of cognition, and evolutionary epistemology of critical realism depicts an optimistic one.

Key words: evolutionary epistemology, hypothetical realism, critical realism, skepticism, rationalism.